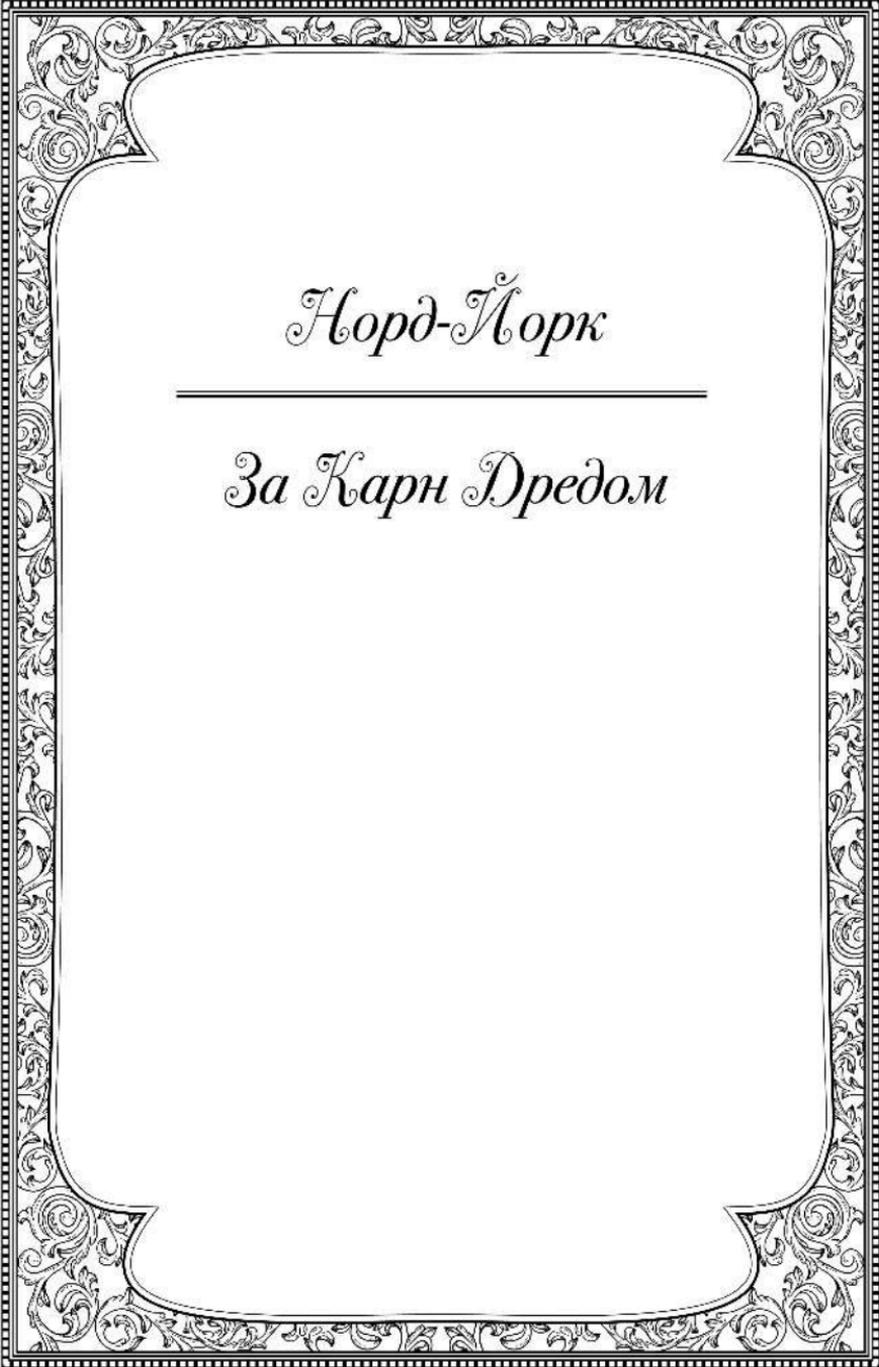

Приключения
МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

- ЗА КРАЕМ МИРА •
- СТАЛЬ, ПАР И МАГИЯ •
- ОСТРОВ КРОВИ •

Норд-Йорк

За Карн Дредом

..... НИК
ПЕРУМОВ

Приключения
МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

• ЗА КРАЕМ МИРА •

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Разработка серии
Андрея Саукова и Василия Половцева

Иллюстрация на переплете
и форзацах *Василия Половцева*

Внутренние иллюстрации
художника *Екатерины Гаевской*

Перумов, Ник.

П26 Молли Блэкуотер. За краем мира : [фантастический роман] / Ник Перумов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. : ил. — (Приключения Молли Блэкуотер).

ISBN 978-5-699-86948-0

В Империи дымят угольные топки, исходят паром котлы машин, бороздят моря мониторы, а по рельсам грохочут громадные бронепоезда. Империи нужно многое, и она стоняет с богатых ископаемыми северных земель варваров-Rooskies, чьи пределы соединил с имперскими страшный Катаклизм.

Для Империи пар — благо, а магия — зло. Магия непредсказуема и смертельно опасна, она сожжёт человека изнутри и убьёт тех, кто окажется рядом. Потому и заведён в Империи специальный Департамент, обезвреживающий несчастных магов прежде, чем они успеют причинить кому-либо вред.

И что делать, если тебе всего двенадцать лет, а магия внезапно пробудилась и нет пути к спасению? Точнее, есть, но его знает только пленный мальчишка-варвар... Как поступит Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, юная благовоспитанная мисс, дочь железнодорожного доктора?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Перумов Н., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

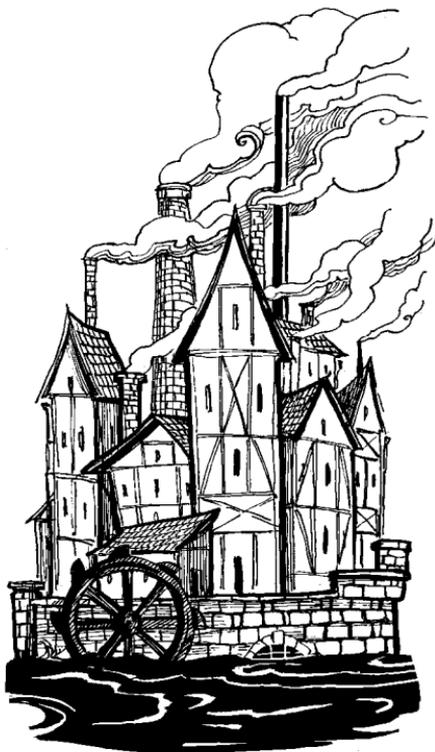
ISBN 978-5-699-86948-0

Часть первая

Норд-Йорк

Глава 1

Трубы, изрыгающие чёрный дым, низкие облака — дымные столбы упираются в серую крышу, словно поддерживая. Облака переваливают через острые грани хребта Карн Дред, спускаются вниз, в долину, к берегам широкой Мьёр. Река впадает в Норд-Гвейдиг, Северное море, а возле самого устья раскинулся Норд-Йорк.

Это он дымит трубами, сотрясает ночь фабричными гудками. Это в его гавани стоят низкие и длинные дестроеры с мониторами и канонерками, и здоровенные многотрубные купцы, и скромные каботажники. От порта тянутся нити рельсов к складам и мастерским, казармам и фортам.

Дышат огнём топки, жадно глотая чёрный уголь. Клубится белый пар вокруг напружинившихся, словно перед прыжком, локомотивов; дымят породистые, словно гончие, курьерские и пузатые двухкотловики, что тянут с Карн Дреда составы со строевым лесом, рудой, особо чистым углём, который единственный годится для капризных топок королевских дредноутов.

Корабли увозят всё это добро из порта. Уползают, словно донельзя сытые волки от добычи.

Улицы в Норд-Йорке, в его нижней приречной части, узкие, словно ущелья. По дну их пыхтят паровички, тащат вагонишки с фабричным людом, развозят грузы. Дома тут высоченные, в полтора десятка этажей, и даже того выше. Окна неширокие и тусклые, хозяйки не успевают отмыть стёкла от сажи. В коричневых ящиках под окнами отчаянно тянутся к свету тонкие стрелки лука. Без лука никак — зимой в Норд-Йорке частенько гостит цинга.

Выше по течению и по склонам берега улицы становятся шире, дома — ниже. Здесь народ одет лучше, больше пабов, кофеен и лавочек. Здесь живут лучшие мастера, наладчики, станочники, инженеры, офицеры королевского гарнизона, механики и машинисты бронепоездов, прикрывающих шахты, карьеры и лесопилки на склонах Карн Дреда.

И ещё здесь, на Плэзент-стрит, 14, живёт доктор Джон Каспер Блэкуотер с семьёй. Доктор Джон работает на железной дороге, пользуясь путевых рабочих и обходчиков, смазчиков, стрелочников, семафорщиков, телеграфистов, он вечно в разъездах на мелкой своей паровой дрезине — паровоз с полувагоном, где есть операционная, где можно принять больного и где в узком пенале купе спит сам доктор, когда не успевает за день вернуться обратно в Норд-Йорк.

Иногда он берет с собой и Молли, особенно когда миссис Анна Николь Блэкуотер отправляется погостить к своим собственным мамá и папá.

Молли любит это поездки больше всего на свете.

— Фанни! Скажи маме, что я дома!

Мисс Молли Блэкуотер, двенадцати лет от роду, захлопнула дверь, помотала головой под низко надвинутым капюшоном. На улице валил снег. Через Карн Дред переползла очередная масса облаков.

Фасад у таунхауса семьи Блэкуотеров узок, всего два окна с дверью. За парадными дверьми — длинный холл, в стене слева от входа — связки поднимающихся из подвала труб, парораспределитель, всякие манометры, вентили и рукоятки.

Пар в Норд-Йорке — это всё. Он не только обогревает дома стьлой и ветреной зимой, он толкает поршни в цилиндрах машин, приводит в движение целые фабрики, управляет семафорами на железнодорожных путях и городских перекрёстках, переводит стрелки для настоящих больших поездов и скромных уличных паровичков, разгружает суда в норд-йоркском порту — всех работ не перечсть.

Глубоко под землёй круглосуточно горят огромные топки, перегретый пар устремляется по трубам; там стоят гигантские котлы в два, а то и три десятка футов высотой.

В подвале дома Молли тоже есть котёл, небольшой, конечно. Есть и угольный бункер, и механическая рука-подаватель, движимая тем же паром. На улицу высовываются раструбы воздухозаборников, словно на настоящем корабле, внутри гудят вентиляторы. Пар идёт вверх, в комнаты, помогая даже готовить еду или гладить бельё!.. Там же, в подвале, паровой автоклав-стерилизатор, где папа обрабатывает свои шприцы и скальпели.

Сразу за холлом в доме Молли — гостиная и столовая с кухней. Слева от холла — папин кабинет. Он такой маленький, что там почти ничего не вмещается, кроме книжных шкафов да письменного стола. Тем не менее папа там тоже принимает больных — ну, когда оказывается дома.

На столе — особая гордость папы, механическая пишущая машинка на пару, с собственным котлом и горелкой, с настоящей топкой!.. На ней папа пишет свои статьи в «Ланцет» и в Королевское медицинское общество, описывая болезни северных варваров и их же варварские методы лечения.

Конечно, дома подобную машинку использовать затруднительно, признаётся папа, если только не подключать к домашним паропроводу и вытяжке; но зато в путешествиях, уверяет он, такая машинка незаменима. Известное выражение «В топку!», относящееся к неудачным рукописям, кажется, именно от таких машинок и пошло.

Мебель в доме доктора Джона Каспера Блэкуотера тёмная, основательная, дубовая.

Молли наконец справилась с плащом и капором. Фанни, служанка, по Моллиному мнению, ужасно-преужасно старая — ей ведь уже тридцать пять лет! — появилась из глубины дома, приняла заснеженную пелерину.

— Ботики, мисс Молли. Смотрите, сейчас лужа на течёт. Матушка ваша едва ли будет довольна.

— Не ворчи, — засмеялась Молли, скинула как попало тёплые сапожки и устремила мимо горничной к лестнице на второй этаж, лишь на миг задержавшись перед высоким, в полный рост, зеркалом. Кашлянула — она всегда кашляла, когда зимой над городом скапливался дым от бесчисленных плавилен, горнов и топок.

В зеркале отразилась бледная и тощая девица с двумя косичками и вплетёнными в них чёрными лентами. Курносовая, веснушчатая, с большими карими глазами. И, пожалуй, чуточку большеватыми передними зубами. В длинном форменном платье частной школы миссис Линдгроув, южанки аж из самой имперской Столицы — тёмно-коричневом платье с чёрным передником и в чёрных же чулках.

Внизу — слышала Молли — Фанни потопала на кухню. Мама, наверное, где-то там. Молли сейчас приведёт

себя в порядок и спустится. Правила строгие — не умывшись, не смыв с лица угольную копоть, что пробирается под все шарфы и маски, нельзя появляться перед старшими.

Фанни, понятное дело, не в счёт. Она прислуга. Перед ними можно.

Младшего братца Уильяма, похоже, ещё не привели домой с детского праздника. Ну и хорошо, не будет надоедать, вредина. Всего семь лет, а ехидства и вредничести в нём хватит на целую дюжину мальчишек.

Молли распахнула дверь своей комнатки — как и всё в их доме, узкой и длинной, словно пенал. Окно выходило на заднюю аллею, и девочка не стала туда даже выглядывать. Мусор, какие-то ломаные ящики, конский навоз и ещё кое-кто похуже — чего туда пляться? Приличные люди — и приличные дети — там не ходят.

В комнатке всего-то и помещалось, что умывальник, шкаф, узкая кровать, небольшой стол у самого окна и чертёжная доска.

Правда, доска эта была всем доскам доска. Занимала она почти половину комнаты. Пантографическая угломерная головка, механический привод — чертёжная доска, как и пишущая машинка папы, была на пару. Подсоедини её к домашнему паропроводу, не забудь гофрированную вытяжную трубу, вставь грифель в зажим — и машина начнёт повторять твой последний чертёж. Или поможет тебе двигать каретку.

Это был папин подарок на двенадцатилетие, и Молли её обожала.

А если у тебя есть чертёжная доска, то, соответственно, на ней надлежит чертить. Или по крайней мере рисовать. И потому всё прочее место в Моллиной комнатке занимали рисунки — кроме книг, карандашей, машинок для их точки, резинок всех мастей и калибров и огромной готвальни, жившей на полке.

Рисунки были повсюду. На кроватином покрывале, на столе, под столом, на стуле, на шкафу, под шкафом — и, разумеется, покрывали все стены.

Но если кто думает, что юная мисс Блэкуотер рисовала каких-нибудь единорогов, пони, принцесс или котят с мопсами, он жестоко ошибается.

На желтоватых листах брали разбег невиданные машины. Извергали клубы дыма паровозы. Поднимали стволы гаубиц бронепоезда. Под всеми парами устремлялись к выходу из гавани дестроеры.

Пейзажи Молли не интересовали, впрочем, как и люди. Да и машины на её рисунках были не просто машинами, а их планами. Детально и тщательно вычерченными, проработанными по всем правилам. На кульмане, припиленный, ждал её руки очередной механический монстр — уже неделю Молли, высунув от старания язык, пыталась изобразить сухопутный дредноут, бронепоезд, которому не нужна будет железнодорожная колея.

Поплескав в лицо водой и сменив форменное платье на домашние фланелевую рубашу и просторные штаны, Молли устремилась обратно на первый этаж.

Отвоевать право хотя бы иногда ходить так дома стоило ей нескольких месяцев скандалов и ссор, пока мама наконец не сдалась.

— Здравствуйте, мама. — Молли склонила голову.

Мать стояла посреди гостиной, в идеальном серо-жемчужном платье, скромном, но, по мнению Молли, в таком можно было хоть сейчас отправляться на королевский приём в Столице. Волосы стянуты на затылке в тугий узел, взгляд строгий.

— Молли. — Мама ответила лёгким кивком.

— Позволено ли будет мне сесть?

— Садитесь, дорогая. Папа задерживается, как всегда, так что обедать будем без него, когда вернутся Джессика

и Уильям. Не сутультесь, дорогая. Осанка, девочка, осанка! И руки, Молли, где ваши руки? Где и как держат руки приличные, хорошо воспитанные мисс?

— Простите, мама... — Молли поспешно развернула плечи, сложила руки на коленях.

— Вот так, дорогая. Хорошие привычки надлежит прививать с детства. Итак, милая, как дела в школе?.. Молли, не спешите, не глотайте окончания слов и не начинайте фраз со слова «потому». Прошу вас, золотко, я слушаю.

* * *

— Гляди, Молли, «Даунтлесс»! «Даунтлесс» пошёл!

— Ничего подобного, — фыркнула Молли. — «Даунтлесс» с одним орудием, носовым. Это «Дэринг». Пушку на корме видишь? Двенадцатифунтовка. Недавно только поставили.

— Всё-то ты знаешь, — обиженно прогундел рыжий мальчишка с оттопыренными ушами. Он и Молли сидели на карнизе высоко поднимавшегося над гаванью старого маяка. Маяк уже не работал — вместо него построили новый, вынесенный далеко в море.

— Разуи глаза, Сэмми, — отрезала Молли, — и ты всё знать будешь. «Даунтлесс», «Дэринг» и «Дефенсив» — три систершипа¹. Только что пришли с Севера. С канонеркой «Уорриор».

— Эх, хоть одним бы глазком увидеть, — вздохнул Сэмми, — как они там, за хребтом, по берегу бьют...

Да. Хребет Карн Дред был северной границей Империи. За ним тянулись бескрайние леса, как далеко — не сказал бы ни один имперский географ. Когда-то давно

¹ В английском языке существительное «корабль» обычно относится к женскому роду. Отсюда «систершип» — «корабль-сестра», то есть однотипный.

